

Дело Ильенкова — Коровикова

О драме рождения философской мысли

© Майданский А. Д.

©Maidansky A.

Дело Ильенкова — Коровикова. О драме рождения философской мысли

The Case of Ilyenkov — Korovikov. On the drama of philosophical thought creation

Аннотация. Рецензия посвящена книге, в которой делается попытка реконструкции и обсуждения тезисов Э. В. Ильенкова и В. И. Коровикова о предмете философии, за которые они были изгнаны с философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в 1955 г. Большое внимание уделяется реакции на тезисы видных советских философов этого периода, в первую очередь — Т. И. Ойзермана. Показано значение «Философской тетради» Э. В. Ильенкова, опубликованной его дочерью Е. Э. Иллеш, как важного источника по истории философской науки и, шире, особенностей интеллектуальной культуры в СССР в середине XX в.

Annotation. The book under review is devoted to the restoration and discussion of the theses about subject of philosophy. Their authors E. V. Ilyenkov and V. I. Korovikov were banished from the Philosophy Faculty of Moscow University in 1955. Great attention is paid to the positions and opinions of important Soviet scholars like Theodor Oizerman, who had to participate in the discussion. The author emphasizes the importance of the Ilyenkov's "Philosophical notebook" as a primary source about Soviet philosophy history and all the intellectual history of Soviet period.

Ключевые слова. Эвальд Ильенков, советская философия, предмет философии, мышление, диалектическая логика.

Key words. Evald Ilyenkov, Soviet philosophy, subject of philosophy, thinking, dialectical logic.

Советская философия родилась и прожила свой недолгий век в муках, одолеваемая толпой фарисеев от идеологии. Явление философа Ильенкова пришлось на годы, когда «любовь к мудрости» молча корчилась на кресте из сталинских «четырёх черт диалектики»¹. Эти годы и находятся в центре внимания автора недавно вышедшей книги [3]. Она повествует о драматической полемике на философском факультете МГУ (1954—1955) вокруг тезисов, написанных Эвальдом Ильенковым и его другом Валентином Коровиковым, в то время — молодыми преподавателями кафедры истории зарубежной философии.

МАЙДАНСКИЙ Андрей Дмитриевич — профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук.

¹ Все в мире взаимосвязано, все изменяется и развивается, количественные изменения переходят в качественные, развитие совершается в борьбе противоположностей [4. Гл. IV, §2].

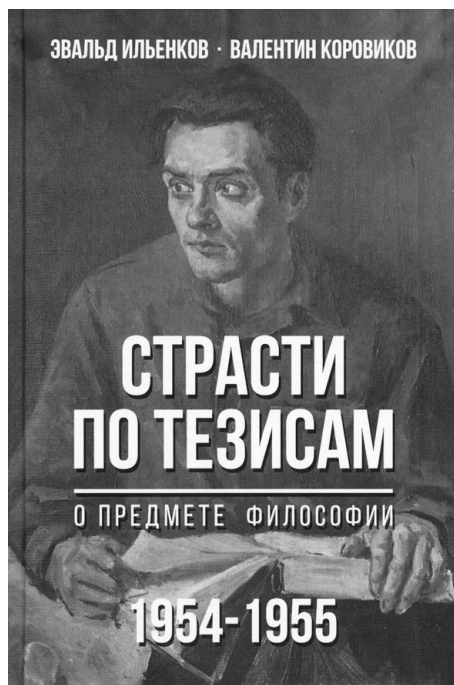
В тезисах ставился простой, как правда, вопрос: что есть философия — каков ее предмет? И давался столь же простой ответ: *мышление*, его законы и категории. Конкретный ответ, нестерпимый для писателей партийной «картины мира»: ведь получалось, что корифеи советской философии не своим делом заняты и токмо вред наукам чинят, поскольку в формируемое ими «марксистско-ленинское мировоззрение» не вписывались целые области науки — генетика с кибернетикой, не говоря уже об отдельно взятых гениях, вроде Л. С. Выготского...

Удел философа — судить о *логичности* мышления, начиная со *своей собственной*, философской мысли. Могли подобный тезис прийтись по вкусу «философам» сталинского призыва — вершителям судеб наук, привыкшим оценивать всякую научную теорию на предмет соответствия классовым интересам мировой буржуазии и трудового пролетариата?

«Страсти по тезисам» документально показывают, как разбегались круги от философского камня, брошенного Ильенковым и Коровиковым в идеологическое болото. Сперва мало-помалу, возмугив лишь самых чутких его обитателей, вроде И. Я. Щипанова (зав. кафедрой истории русской философии) и А. Д. Косичева (зам. декана философского факультета). Затем все шире, интерферируя с «антипартийными» волнениями в студенческой среде и волнами старых распрей на факультете. Кончилось дело приговором заведующего отделом науки и культуры ЦК КПСС А. Румянцева: «...освободить от работы в Московском университете, как не справившихся с работой и слабых в теоретическом отношении, преподавателей» Коровикова, Ильенкова и некоторых других их коллег [3. С. 90].

Свои воспоминания о ходе событий оставили двое главных действующих лиц: В. И. Коровиков [5] и Т. И. Ойзерман [7]. Оба увязывали расправу с общим обострением ситуации на философском факультете весной 1955 г. Коровиков отмечал «вольнодумные» выступления студентов на партсобраниях, где обсуждались итоги пленума ЦК КПСС, в то время как Ойзерман делает упор на «подводном течении» — давнем противоборстве с З. Я. Белецким, заведующим кафедрой диалектического и исторического материализма: «Белецким овладела новая идея: философия является не мировоззрением, а представляет собой теорию мышления. И бдительные головы сразу же просигнализировали, что аналогичные идеи отстаивают мои аспиранты Э. Ильенков и В. Коровиков. Это была явная натяжка» [7. С. 55].

Ильенков и Коровиков. Страсти по тезисам о предмете философии (1954—1955) / авт.-сост. Е. Иллеш.
М. : Канон+, 2016. 280 с.

Сам Ойзерман в то время считал предметом философии «мир в целом». Немалая часть «Философской тетради», опубликованной дочерью Ильенкова Е. Э. Иллеш, отведена спору вчерашнего аспиранта со своим научным руководителем. Толкование философии как всеобщей картины мира, пишет Ильенков, «четко высказано в книге Светлова и Ойзермана [9]², и я поэтому хочу вступить в полемику именно с ними» [3. С. 204]. Выше, в той же тетради, Ильенков критикует и докторскую диссертацию Ойзермана, где «революционный переворот» усматривался во включении в философию проблематики исторического материализма [3. С. 193].

Отстаиваемый их научным руководителем взгляд на предмет философии Ильенков и Коровиков характеризуют так: «Мы полагаем, что толкование философии как “науки о мире в целом”, бытующее в нашей литературе, представляет собою *прямую ревизию взглядов классиков* на вопрос о предмете философии как науки, а старания развивать философию как систему представлений о мире в целом — *реакционную попытку возродить давно скончавшуюся натурфилософию и философию истории*».

Мы думаем, что понимание философии как науки о мире в целом *теоретически неверно, а практически крайне вредно*, ибо направляет усилия философов на бесплодные умозрения дурного сорта, дискредитирующие философию диалектического материализма в глазах представителей других наук, а самое философию неизбежно сводящее к сумме примеров, иллюстрирующих давно известные вещи. Что это так — бесспорно доказывает *практика наших философов за последние годы* (курсив мой. — А. М.)» [3. С. 230].

Эти строки — из рукописи «Относительно вопроса о предмете философии как науки», являющейся, по-видимому, ранней редакцией тезисов, вынесенных на обсуждение коллег в 1954 г. Финальная версия, к великому сожалению, не обнаружена ни в архиве Ильенкова, ни у его студентов — несмотря на то, что по рукам ходили десятки копий, часть из которых оказалась впоследствии за рубежом. Е. Э. Иллеш пришлось собирать фрагменты тезисов, процитированные в ходе «дискуссии» (примерно так некогда реконструировались творения досократиков).

Отдадим должное Т. И. Ойзерману: профессор не только стерпел нахальный демарш питомцев, но и поощрял их к работе, противной его собственным философским взглядам. Мало того, предоставил Ильенкову с Коровиковым возможность (друзья в полной мере ею воспользовались) обратиться в свою веру старшекурсников. «Этот хитрый мудрец, — писал Ильенков жене, — концепцию нашу ругает, а группы все по истории марксизма — по ключевому для этой темы разделу, — нам обоим на растерзание отдал. Это — весь 4 курс. Так-то» [3. С. 26].

Недаром «постсоветский» Ойзерман примется, в духе Поппера, воспевать «плюрализм систем» как характерную черту философии, отличающую ее от науки³. Такого рода плюрализм «хитрый мудрец» давно

² В беседе с Митрохиным Ойзерман заметил, что книжка принадлежала его перу «от начала и до конца». Светлов, занимавший в ту пору должность заместителя министра высшего образования, пригласил Ойзермана на работу в МГУ.

³ «Предмет философии фактически разный»: у Хайдеггера — один, у Ильенкова — другой, а у «кремлевских кураторов» философия сделалась «теорией мировоззрения» [7. С. 68, 49].

исповедовал и в философии, и в жизни. Ну а Ильенков был неисправимым, законченным *монистом*, писавшим имя Поппера со строчной буквы (а в разговоре, бывало, и менял в нем букву-другую). Он дружил с Ойзерманом до последнего дня своей жизни, но в работах Ильенкова не найдешь ссылок на труды научного руководителя. В первый и последний раз имя Ойзермана фигурировало на титульном листе кандидатской диссертации Ильенкова.

Линия поведения Ойзермана резко поменялась к весне 1955 г., когда дело запахло идеологической расправой. Его оценки тезисов Ильенкова — Коровикова окрасились в соответствующие тона: «извращение» (марксизма), «рецидив меньшевистствующего идеализма», «отрыв философии от практики коммунистического строительства». При этом неофициально он, как мог, пытался смягчить удар по своим аспирантам и кафедре в целом.

Ситуация осложнялась тем, что смертельный враг Ойзермана Белецкий и ряд членов его кафедры проходили по той же самой «гносеологической» статье обвинения, что Ильенков и Коровиков. Ойзерману — как и декану В. С. Молодцову, и его предшественнику на этом посту А. П. Гагарину, и многим другим на факультете — не хотелось упустить случай покончить со «злым гением, основательно отравлявшим жизнь» [7. С. 45]. Что в итоге и удалось. Партия Белецкого была разгромлена, оставленную им кафедру возглавил сам Молодцов.

Для Ойзермана дело «гносеологов» оказалось гамбитом: двумя фигурами пришлось пожертвовать (вывести их из-под удара в какой-то момент оказалось уже невозможно), чтобы захватить инициативу и объявить противнику мат. Сталинская креатура, Белецкий не стеснялся атаковать коллег письмами в ЦК, мог позвонить Маленкову, редактировал разгромные доклады Лысенко и т. д. Это был в высшей мере опасный враг. Ясно как день, что именно Белецкий, а не авторы тезисов, был главной мишенью кампании против «гносеологических извращений». Поскольку Белецкий принципиально не доверял свои мысли бумаге, была проведена спецоперация, достойная пера Макиавелли⁴. Кто знает, не овладей тогда Белецким «новая идея», быть может, и тезисы Ильенкова — Коровикова не получили бы вторую, скандальную жизнь без малого год спустя после их первого, сравнительно мирного явления народу...

Авторам пришлось покаяться, признав свои тезисы «неудачными и ошибочными в ряде пунктов» и вообще — «сырым, неряшливым документом». Однако ни тот, ни другой и словом не заикнулись о перемене своих взглядов на философию как «логику теоретического мышления». В решении Совета философского факультета от 29 марта 1955 г. записано: «Эта неискренность, нежелание прямо признать свои ошибки,

⁴ «Белецкий организовал у себя на кафедре симпозиум “Что такое философия?”, в котором Ильенков и Коровиков, конечно, не участвовали. Основной доклад сделал Кочетков, который в крайне упрощенной, но категорической форме заявил, что неправильно считать философию мировоззрением, поскольку она есть теория мышления. Выяснилось, что декан Молодцов подослал стенографистку, которая записала как доклад Кочеткова, так и выступление Белецкого и его единомышленников, которые развивали эту точку зрения. Стенограмму Молодцов не показал авторам, поскольку понимал, что они обязательно сгладят наиболее острые формулировки, а быстро переправил ее в отдел науки ЦК ВКП(б)» [7. С. 56].

обнаруженные в ходе обсуждения тезисов, в особенности должна быть поставлена в вину т.т. Ильенкову и Коровикову» [3. С. 62]. Еще радикальнее был настроен профессор Ф. И. Георгиев, требовавший квалифицировать их поведение как «двурушничество» (термин из политического лексикона — для клеймения «врагов народа»).

Сильное беспокойство у товарищей-инквизиторов вызывало «идейное влияние тезисов» на студентов и аспирантов из социалистических стран. Дело усугублялось тем, что видные западные марксисты трактовали предмет философии практически так же, как Ильенков и Коровиков. По удивительному совпадению, в апрельском номере «Вопросов философии» за 1955 г. (в том самом месяце, когда авторы тезисов были осуждены постановлением ЦК и отстранены от работы в МГУ) вышел перевод статьи «От Гегеля к марксизму» Пальмиро Тольятти, лидера крупнейшей в Европе компартии — итальянской. Вопрос о предмете философии решался здесь кратко, но недвусмысленно, со ссылкой на слова Энгельса: «за философией... остается лишь царство чистой мысли». (Молодцов предлагал вычеркнуть это место из рукописи Тольятти; его бы воля, и Энгельсу «область мышления» отрезал⁵.)

Аналогичная позиция была подробно изложена Тодором Павловым (в то время — директор Института философии и президент Болгарской Академии наук) в книге «Теория отражения» (рус. изд.: 1936, 1949): «Философия является не просто общей наукой о бытии, как это утверждают многие и до настоящего времени, но наукой о наиболее общих законах содержательного мышления, которое потому и содержательно, что отражает в себе объективное бытие. И только таким путем философия приобретает... значение наиболее общей научной методологической основы именно благодаря тому, что она исследует основные законы всякого объективного мышления. ...Чтобы быть особой наукой, у философии есть только одна возможность, указанная еще Энгельсом, а именно: быть общей наукой о мышлении, логикой и диалектикой» [8. С. 275—276]. Как видим, тезисы Ильенкова — Коровикова были не так уж оригинальны.

В Предисловии к павловской «Теории отражения» вышеупомянутый Ф. И. Георгиев заметил, что определение философии как науки о содержательном мышлении «во многом носит дискуссионный характер» [8. С. XXVI]. С Ильенковым и Коровиковым дискутировать на эту тему Георгиев, правда, не пожелал. Ну а парторг Института философии В. П. Чертков потребовал «наказать Ильенкова за то, что он пытался нас втянуть в дискуссию с Павловым» [3. С. 104].

Вполне естественно, что авторы тезисов обратились за поддержкой к Павлову и Тольятти — и незамедлительно ее получили. Уже в июне на итальянском языке вышел перевод статьи Ильенкова о методе восхождения от абстрактного к конкретному [2; 10]. В редколлегия «Вопросов философии» пришло письмо из Общества культурной связи с Советским Союзом, в котором сообщалось, что известный итальянский философ-

⁵ Из стенограммы легендарной речи Молодцова: «Тезисы товарищей Коровикова и Ильенкова тянут нас в область мышления. (Смех в зале.)» [3. С. 59]. «Не бойтесь, вас туда не затянешь!» — выкрикнули из зала.

коммунист Гальвано делла Вольпе, а также его ученики Лючио Коллетти и Джулио Пьетранера желали бы ознакомиться с другими работами Ильенкова и вступить в переписку с автором. Наконец, Тодор Павлов отправил в Институт философии эмоциональное письмо, в котором заявил о поддержке тезисов Ильенкова — Коровикова и предложил Ойзерману, Молодцову и Георгиеву письменно изложить свои контрдоводы.

Вмешательство зарубежных марксистов буквально взбесило инквизиторов — на сей раз в Институте философии. На Ильенкова посыпались обвинения в «попытке вбить клин» между советскими и зарубежными марксистами (Каммари, Маслин), в «политически вредном, непатриотическом поступке» (Модржинская), а то и «политическом преступлении» (Чертков). Теперь наказание Ильенкова за ревизию марксистской философии могло испортить отношения Института философии с коллегами из «братских стран», будучи воспринято как обвинение в ревизионизме также и в адрес его влиятельных единомышленников — Павлова и Тольятти. Вне всяких сомнений, те следили за развитием событий и ожидали реакции на свои письма.

В итоге шквал истерических филиппик на заседании партбюро (четыре часа!) вылился всего-навсего в «строго предупредить т. Ильенкова» [З. С. 121]. За официальный выговор проголосовал один человек, остальные проявили политическую дальновидность и здоровый инстинкт самосохранения. Кураторы из ЦК вряд ли одобрили бы конфликт с «братскими компартиями» из-за каких-то там тезисов о предмете философии. Вбитый Ильенковым «клин» сделал свое дело.

Помимо увлекательнейшего документального раздела, подготовленного Е. Э. Иллеш, мы находим в книге два философских взгляда на значение тезисов Ильенкова — Коровикова для воскресения советской философии, произошедшего в 1950-е гг. В этом процессе Ильенкову, без сомнения, принадлежала главная роль.

«Тезисы — это, как правило, серьезно», — замечает Илья Раскин [З. С. 150]. Нередко они бывали «буревестниками революций»: тезисы Лютера, Апрельские тезисы, в марксизме — «Тезисы о Фейербахе». После воспоминаний о том, как студенты МГУ, в том числе и он сам, приходили к Ильенкову в 1970-е гг., Раскин ставит вопрос: куда нашему брату-философу двигаться дальше? И указывает два вектора, проистекающие из ильенковского понимания предмета философии: первый — *практическая* (в смысле Канта и Маркса) «критика науки»; второй — претворение мысли в *поступок*. «Настоящая, полноценная философия — не образ мысли только, но образ жизни как единство мысли, чувства и поступка. Тем самым — больше, чем наука» [З. С. 168].

Так и тезисы о предмете философии — не просто мысли на бумаге, но еще и поступок, тем более ценный, что он дорого стоил авторам. Окружающие остро это прочувствовали. Отсюда у одних — симпатия и энтузиазм, у других — требование отречься от тезисов не на словах только, не ритуальной фразой, а чтоб непременно *искренне*. И ярость своры чертковых и модржинских, когда добиться этого не удалось. Скольких в былые времена эти люди-нелюди сжили со свету — не счесть, а тут... «строго предупредить товарища Ильенкова».

Стоит отметить, что И. Раскин и впрямь не ограничивается комментарием к Ильенкову, но пробует идти дальше, особенно далеко заходя в философской «критике науки». По его мнению, «наука имеет дело с необходимостью, философия — со свободой». Посему философ Раскин предлагает науке «потесниться», — но не в пользу религии, как в свое время философ Кант, а в пользу искусства и нравственности. Только так, мол, и можно скакнуть «из царства необходимости в царство свободы» [3. С. 166].

Тезисы о предмете философии — не просто мысли на бумаге, но еще и поступок, тем более ценный, что он дорого стоил авторам. Окружающие остро это прочувствовали. Отсюда у одних — симпатия и энтузиазм, у других — требование отречься от тезисов не на словах только, не ритуальной фразой, а чтоб непременно искренне.

В тезисах такого скачка И. Раскин не обнаружил. Там философия не более чем наука о науке — так сказать, наука в квадрате. «Критикой науки» с философской колокольни там и не пахнет. Но так было лишь поначалу, считает Раскин: впоследствии Ильенков науку таки «потеснил» — писал об эстетической природе фантазии «и сам был человеком художественно талантливым» [3. С. 168]. По моему скромному мнению, что ранний, что поздний Ильенков видел в философии *Логик*у (это слово он любил писать с прописной буквы), и только ее одну. Свободу с необходимостью по разным углам он не разводил, а «потесняющих» науку философов, мягко скажем, не жаловал.

Художественное чувство и нравственность пронизывают теоретическое мышление *изнутри, насквозь*⁶. Делить им нечего и тесниться незачем. По той простой причине, что наука, искусство и нравственность (Истина, Красота и Добро) — это *одно и то же*, выраженное тремя разными способами. Так говорил Ильенков. В «Размышлениях о судьбе философии и ее предмете» Владислав Лекторский протягивает свою нить от тезисов к современности. Он был в числе тех самых старшекурсников, которых Теодор Ильич так щедро «на растерзание отдал» Коровикову с Ильенковым. Лекторского привлекала прежде всего «демонстрация нового способа философской деятельности» [3. С. 235]. Образ мысли и тексты Ильенкова резко отличались от принятых на философском факультете. На фоне молодых и щипановых авторы тезисов,

⁶ Это положение Ильенков подробно обосновал на примерах декартовой изопериметрической теоремы (из книги Д. Пойа) и анализа денег у Маркса в упомянутой И. Раскиным статье «Об эстетической природе фантазии».

должно быть, выглядели инопланетянами — пришельцами из «области мышления».

Направление эволюции взглядов Ильенкова прочерчивается Лекторским как «существенное расширение своего раннего понимания философии». В 1960-е гг. «в поле философского анализа Э. В. Ильенкова попадает не только научное мышление, но и вся сфера идеального, включающая как научное, так и донаучное мышление, выраженное и не выраженное в языке, не только методы и нормы мышления, но и нормы нравственных действий, основания эстетических суждений, разнообразные произведения культуры. А главное — идеальное было понято Эвальдом Васильевичем как существующее в деятельности» [3. С. 240].

Расширение *круга исследований* Ильенкова, бесспорно, имело место быть, однако вряд ли стоит вести речь о расширении его понимания *предмета философии*. Таковым была и осталась «область мышления», и только она одна. Другое дело, что Ильенков, как всякий нормальный ученый, с каждой новой работой *углублял* свое, а вместе с тем и наше — понимание законов и категорий мышления.

Поначалу его больше занимала логика *науки* — в особенности экономической теории Маркса⁷, как самого адекватного применения диалектического метода; затем он переключил свое внимание на иные сферы человеческой мысли — художественную, языковую, педагогическую и пр. Во всех этих случаях Логика *одна и та же*, различны лишь формы ее внешнего воплощения. В глазах философа наука имеет приоритет перед всеми прочими манифестациями мышления — по той простой причине, что *философия и сама есть наука*. И еще потому, что в форме научно-теоретического мышления логические категории выступают в своем наиболее чистом и «прозрачном» для разума виде.

Для логика вполне нормально и естественно видеть в научных теориях, произведениях искусства, исторических событиях и поступках людей «прикладную Логика». Однако, не забывая оговариваться Ильенков, нельзя повторять ошибку Гегеля, выдавая «дело логики» за «логику дела», т. е. подменять конкретно-научное исследование предмета, существующего независимо от мышления, философско-логической схемой. Именно в этом грехе Ильенков упрекал своего научного руководителя и диамат деборинского покроя: «Теперь [возьмем] ойзермановскую концепцию. Это — гегелевская трактовка⁸. Философия как “мировоззрение”, понимаемая как развернутая система абстрактных определений *метода*. Тогда как метод может быть развернут только в одну систему — систему положительных знаний, и только в этой форме имеет значение мировоззрения. *Он существует только в применении*. Иначе — чистая методология в деборинском стиле» [3. С. 216].

Меж тем противники Ильенкова, включая и Ойзермана с Белецким, клеймили его собственные взгляды как «деборинщину» (или, что то же

⁷ «Капитал» — это прикладная Логика, как всякая другая теория» [1. С. 428].

⁸ «Там, где Гегель брался за натурфилософию, за философию истории, — там он везде городил схемы, конструкции, не имеющие никакого значения для подлинного развития философии» [4. С. 211].

самое, «меньшевиствующий идеализм»). Эта идеологическая aberrация, использованная для травли Ильенкова, впоследствии переключалась и в академическую историко-философскую литературу, в том числе и на Западе (И. Яхот, Дж. Скэнлан, Д. Бакхерст). Ильенкова ошибочно считают продолжателем дела Деборина. Развернутую аргументацию против привел пока что один С. Н. Мареев [6].

Опубликованная Е. Э. Иллеш «Философская тетрадь» Ильенкова открывает возможность проследить *генезис* диалектической логики в момент ее зачатия. Можно считать твердо установленным, что линия Плеханова — Деборина оценивалась Ильенковым как *линия деградации марксистской философии*: возвращение от «материализма революционного, действенного» к тому «созерцательному материализму», что критикуется в «Тезисах о Фейербахе». Суть философского открытия Маркса Ильенкову видится в том, что «отношение бытия и мышления начинает впервые пониматься как отношение бытие — практика — мышление» [3. С. 177]. Плеханов же не выходит за рамки абстрактно-созерцательного понимания отношения мышления к бытию, заявляет Ильенков.

Соглашаясь с утверждением В. Лекторского, что на первый план в ильенковской теории идеального выступит категория деятельности, и само мышление предстанет как форма предметно-практической деятельности человека, следует уточнить, что это направление исследований вполне ясно просматривается уже в «Философской тетради».

В завершение хотелось бы отметить превосходную полиграфию книги «Страсти по тезисам», поблагодарить авторский коллектив за мастерскую работу и выразить надежду, что она будет продолжена.

Литература

1. **Ильенков Э. В.** К выступлению у экономистов 24.11.65 // Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М. : РОССПЭН, 1997. С. 425—441.
2. **Ильенков Э. В.** О диалектике абстрактного и конкретного в научно-теоретическом познании // Вопросы философии. 1955. № 1. С. 42—56.
3. Ильенков и Коровиков. Страсти по тезисам о предмете философии (1954—1955) / авт.-сост. Е. Иллеш. М. : Канон+, 2016.
4. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. : ОПИЗ, 1938.
5. **Коровиков В. И.** Начало и первый погром // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 65—68.
6. **Мареев С. Н.** Из истории советской философии: Лукач — Выготский — Ильенков. М. : Культурная революция, 2008.
7. **Митрохин Л. Н.** Из бесед с академиком Ойзерманом // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 33—77.
8. **Павлов Т.** Теория отражения. Изд. 2. М. : Изд-во иностранной литературы, 1949.
9. **Светлов В. И., Ойзерман Т. И.** Возникновение марксизма — революционный переворот в философии. [М.] : Госполитиздат, 1948.
10. **Penkov E.** Dialectica di astratto e concreto nella conoscenza scientifica (Questioni teoriche) // Critica Economica. 1955. № 3. P. 66—85. ◆